5. Алфавитный указатель

Несмотря на множество разнообразных и зачастую, казалось бы, не связанных между собой тем, сборник получился вполне целостным и качественным. Он будет интересен широкому кругу исследователей, как занимающихся непосредственно ВСЦ и экуменическим движением, так и соответствующим периодом мировой истории.

Т. Пыка

Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / пер. с итал. О.Р. Щелоковой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 582 с. — (Серия: История сталинизма).

В издательстве РОССПЭН в серии «История сталинизма» вышел перевод книги итальянского историка, профессора новейшей истории университета «Рим III», специалиста по истории России Адриано Роккуччи (по-итальянски книга увидела свет в 2011 г.). Нужно отметить усилия издательства, которое стремится познакомить читателя как с новыми российскими исследованиями религиозной политики советского государства, так и с переводами работ зарубежных ученых. Так, в серии «История сталинизма» вышли несколько книг М.И. Одинцова, совместное исследование Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой, книга американского исследователя С.М. Майнера[16] и теперь книга А. Роккуччи.

Публикация книги итальянского историка, безусловно, важное событие и для русского читателя. Роккуччи обладает редкой авторской оптикой — одновременно стороннего и «включенного» наблюдателя. Разумеется, главный адресат этой работы — итальянский читатель. Поэтому автору было

16. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014; *Одинцов М. И., Кочетова А. С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; *Одинцов М. И.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008; *Майнер С. М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика / пер. с англ. В. Артемова. М., 2010.

необходимо объяснить ему перипетии российской и советской истории, особенности православного сознания и церковных практик... Каждый из исторических сюжетов обсуждается в книге с завидной обстоятельностью, с опорой на обширную литературу, как российскую, так и зарубежную (причем далеко не только итальяноязычную), и архивные источники. Чувствуется, что для автора русская церковная история — не любопытная, но все же несколько экзотичная, а близкая и понятная часть мировой истории. Кроме того, Роккуччи чуток к религиозной мотивации и внутрицерковным аспектам обсуждаемых проблем. Он включен не только в российскую, но и в церковно-историческую проблематику, и это его важное достоинство как исследователя.

Приведем только один пример связанной с этим исследовательской проницательности. Представляется, что Роккуччи первым обратил внимание на новое положение епископата Русской церкви, в котором тот оказался в условиях сталинского «нового курса» религиозной политики. В 1940-е гг. произошла сверхцентрализация церковного управления, в котором была заинтересована и советская власть. Епископат получил широкие полномочия, которые — впервые в русской церковной истории, как подчеркивает Роккуччи — не были ограничены иными церковными институтами. Итальянский историк пишет, что преосвященные теперь находились как бы в безвоздушном пространстве: их власть уже не уравновешивали ни многочисленное и влиятельное монашество, ни консолидированное белое духовенство, ни ученые корпорации духовных академий. Все эти церковные институты были уничтожены или предельно ослаблены в годы гонений. И теперь единственными контрагентами епископов оказывались патриарх и светская власть в лице своих уполномоченных или иных органов. Вряд ли стоит уточнять, что эта особенность системы церковного управления, целенаправленно (это несколько раз подчеркивает автор) созданная советскими контролирующими органами, имела далеко идущие последствия для церковной жизни.

Книга состоит из девяти глав, обширного предисловия, представляющего собой по сути отдельную вводную главу, и краткого послесловия, в котором подводятся итоги исследования и прослеживаются тенденции во взаимоотношениях власти и Церкви в последние три десятилетия существования советского государства. В основу членения на главы положен отчасти хронологический, отчасти про-

блемно-тематический принцип. Главы делятся на параграфы, каждый из которых посвящен отдельному историческому сюжету, явлению или проблеме. Автор стремится соблюсти баланс между описанием советской политики и жизни церкви в условиях этой политики. Книга охватывает период с 1917-го по 1958 г., но главный фокус исследования — период с 1939-го по 1958 г., когда советская власть постепенно, сначала неявно, а затем открыто, отошла от курса на уничтожение Православной церкви, которого она придерживалась в предшествующие годы. Сталинская политика «нового курса» в отношении религии и церкви — главный объект интереса итальянского исследователя. Ей посвящены шесть из девяти глав книги.

Начинает автор с описания взаимоотношений царской и патриаршей власти, опираясь при этом на книгу Б.А. Успенского «Царь и патриарх» — аллюзия на название этой работы содержится и в названии самого рецензируемого труда. Такое сопоставление может насторожить читателя, отдающего предпочтение конкретно-историческим исследованиям. Но итальянский ученый убеждает нас в обоснованности такого сопоставления: Сталин в самом деле сравнивал свою власть с властью русских царей, свою харизму — с их харизмой. Впрочем, дальнейшее повествование строится именно как конкретно-историческое исследование, основанное на обширной историографии, публикациях источников и собственных изысканиях автора в российских и зарубежных архивах.

В номере журнала, посвященном религиозным аспектам истории Холодной войны, уместно обратить внимание именно на то, как итальянский исследователь трактует вопросы, связанные с международной деятельностью Русской церкви в рассматриваемый период. Представляется, что к ключевым вопросам относятся вопрос о причинах начала «нового курса», вопрос о целях, которые преследовали обе стороны — советское государство и Церковь, и, наконец, вопрос о причинах кризиса «нового курса» в 1948–1949 гг., когда в недрах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) готовилось новое наступление на церковь, остановленное лишь личным указанием Сталина.

Причины поворота сталинской религиозной политики в ходе Второй мировой войны А. Роккуччи, как и большинство исследователей сегодня, видит в заинтересованности советского руководства во внешнеполитической деятельности Православной церкви, направленной прежде всего на взаимодейст-

вие — в интересах СССР — с православными церквами Восточной Европы и Ближнего Востока. Отчасти автор полемизирует с А. Диккинсон, предполагавшей, что своим шагом Сталин стремился также «устранить потенциального врага», носителя чуждых и не поддающихся контролю ценностей[17]. Роккуччи считает, что советский лидер, заявляя о начале «нового курса», уже не видел в церкви опасности. Если бы это было не так, то для него и созданного им режима естественнее было бы прибегнуть к репрессивным мерам, чтобы устранить противника. Как замечает автор, «нейтрализация предполагаемого врага путем его кооптации не относилась к числу традиций сталинской политической культуры» (с. 224). Именно перспективы «имперской экспансии» и открывающиеся после войны «геополитические горизонты», по мнению итальянского историка, стали главной причиной поворота в сталинской религиозной политике. Но констатируя это, Роккуччи идет дальше: он усматривает определенную мировоззренческую общность, которая объединяла в тот момент сталинское руководство и иерархов Русской церкви, заключавшуюся в наличии у тех и у других универсалистского имперского сознания. Это, полагает автор, облегчало обеим сторонам шаги навстречу друг другу.

Еще одной важной особенностью «нового курса», на которую неоднократно обращает внимание А. Роккуччи, было совпадение интересов (хотя далеко не полное) церкви и советского государства. Обе стороны были заинтересованы в выходе Русской церкви из международной изоляции, в которой она оказалась в предвоенный период — период репрессий. Но мотивы у сторон были разные. Так, власть хотела мобилизовать «церковный ресурс» в рамках своей послевоенной экспансии. Церковь же стремилась восстановить связи с другими православными церквами и вернуть свое прежнее положение одного из лидеров вселенского православия. До поры до времени разница в мотивах не сказывалась на отношениях сторон, но в определенный момент именно она могла привести к кризису «нового курса».

Вопрос о причинах кризиса «нового курса» 1948–1949 гг. А. Роккуччи рассматривает в контексте послевоенной эволюции политической системы сталинизма, о которой писали такие авторы, как Р. Г. Пихоя, О. В. Хлевнюк, Й. Горлиц-

17. Dickinson, A. (2000) “A Marriage of Convenience? Domestic and Foreign Policy Reasons for the 1943 Soviet Church-State Concordat”, *Religion, State & Society* 4.

кий[18]. Речь идет о выстраивании нового баланса сил между государством и партией, который предполагал усиление партийного, идеологического крыла. В этой ситуации Совет по делам Русской православной церкви, созданный в 1943 г. для обеспечения связи между правительством (фактически, Сталиным) и церковью, оказывался в двусмысленном положении. Он принадлежал к системе государственных органов, но его деятельность непосредственно касалась щекотливых идеологических вопросов — вопросов существования в советском государстве церкви как идейно чуждого организма. Поэтому партийные органы стремились установить контроль над Советом и скорректировать проводимую им религиозную политику в соответствии со своими представлениями. В связи с этим А. Роккуччи подчеркивает, что колебания советской религиозной политики в конце 1940-х гг. служат для историка советского режима важным симптомом изменения всей политической системы. Он пишет: «Исследование религиозной жизни и религиозной политики не сводится к анализу одной пусть и любопытной, но все-таки маргинальной сферы советского общества и советской истории... Историю православной церкви и ее отношений с государством в СССР можно воспринимать как кривую сейсмографа, регистрировавшего колебания и подземные разломы, происходившие глубоко под толщей коры советской планеты» (с. 289).

Таким образом, по мнению итальянского историка, причины кризиса «нового курса» коренились в структурных противоречиях между ЦК ВКП(б) и правительством, а не в неудачах международной деятельности церкви, не в том, что Совещание глав и представителей православных церквей, проведенное в Москве в июле 1948 г., не выполнило, с точки зрения Сталина, свою задачу — наделить Московский патриархат статусом вселенского, первого по чести среди других православных церквей. Более того, Роккуччи предполагает, что спад международной активности церкви с 1948 г. был предрешен. Он считает, что в условиях начавшейся холодной войны и блокового противостояния держав сфера международной деятельности Русской церкви неизбежно ограничивалась зоной советского влияния — православными церквами Восточной Европы, тогда как церкви Ближнего Востока оказывались в зоне влияния Англии

18. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, 2000; *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

и США. Если в 1945–1948 гг. Русская церковь могла делать попытки включить восточные патриархаты в сферу своего влияния, то теперь такие попытки автоматически сталкивались с противодействием западных держав.

Помимо этого, как считает итальянский историк, в этой ситуации советское руководство пришло в замешательство. Оно не могло определиться, какие именно цели перед «внешней» деятельностью церкви должны быть поставлены. После того, как задача превратить Москву в «православный Ватикан», сделать ее центром вселенского православия оказалась недостижима, а также после того, как расширение международной активности Московской патриархии в условиях противостояния западного и восточного блоков достигло своих пределов, новые направления этой активности не просматривались. Включение церкви в 1949 г. в международное движение борьбы за мир оказывалось не вполне равноценной заменой, поскольку не предполагало достижения какой-либо конкретной цели. А. Роккуччи показывает, что все попытки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в этой ситуации получить от «директивных инстанций», от высшего руководства страны новые указания о предпочтительных направлениях деятельности Совета и Московской патриархии на международной арене закончились безрезультатно. Кризис внешнеполитической активности церкви в контексте послевоенной турбулентности политической системы сталинизма привел к кризису всего «нового курса» в государственно-церковных отношениях.

Есть, правда, один нюанс, который, как нам кажется, ускользнул от внимания автора. Это — личная роль Сталина в охлаждении государственно-церковных отношений в 1948–1949 гг. Дело в том, что сигнал центральным органам и местным властям о наступлении на церковь в 1948 г. дал именно он, под формальным предлогом отказавшись утвердить список церквей, предназначенных для передачи верующим[19]. В связи с этим можно поставить дополнительный вопрос о мотивах, которыми руководствовался советский лидер, предпринимая этот шаг. Поддержал ли он таким образом начавшееся еще в 1947 г. скрытое наступление партаппарата на Совет по делам Русской православной церкви и на проводимую этим органом линию религиозной по-

19. См., например: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 127.

литики? Или он действительно был разочарован результатами июльского Совещания глав и представителей православных церквей и считал нужным пусть и косвенно указать на это Совету и церкви? В любом случае не вызывает сомнений центральная роль Сталина в корректировке религиозной политики в 1948–1949 гг. Он был не только «гарантом стабильности системы» государственно-церковных отношений, оформившейся в 1943 г., поскольку в мае 1949 г. наложил вето на подготовленное в аппарате ЦК антирелигиозное постановление (на этом эпизоде специально останавливается А. Роккуччи на с. 308–312). Он также был тем, кто осенью 1948 г. дал местным властям недвусмысленную санкцию продолжить давление на церковь. Для нее он выступал в роли «монарха», который казнит и милует.

Но нам бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто итальянский историк уделяет внимание исключительно политическим аспектам государственно-церковных отношений. Автор систематически обращается (хотя и только на материалах центральных российских архивов) к различным сторонам жизни церкви, причем рассматривает их в контексте социальных процессов, ставших результатом советской модернизации. В частности, он обращает внимание на ту роль, какую в жизни Русской церкви сыграла урбанизация, которая уже в 1950-е гг. породила новый тип верующего — горожанина. По мнению А. Роккуччи, «города бросали главный вызов русскому православию, которое не собиралось отказываться от своего присутствия в советском мире» (с. 340). Исследователь считает, что церковное руководство понимало это и принимало «вызов городов», например, при назначении духовенства отдавая предпочтение именно городским церквам.

Таким образом, книга А. Роккуччи подводит определенный итог исследованиям сталинской религиозной политики. При этом итальянский историк извлекает максимальную пользу из своей позиции стороннего, но «включенного» наблюдателя, делая на основании источников важные наблюдения, мимо которых прошли отечественные исследователи. Тем самым он углубляет и уточняет наше видение ряда аспектов советской церковной политики этого периода. Характерная для книги обстоятельность анализа и точность оценок делает ее ценной и для российского читателя. Если читатель, не будучи специалистом в области сталинской церковной политики или будучи специалистом в других облас-

тях отечественной истории, захочет углубиться в проблематику государственно-церковных отношений первой половины XX в., ему можно посоветовать начать именно с книги А. Роккуччи. После знакомства с ней можно быть уверенным, что от вас не укрылись ключевые проблемы этого периода.

А. Беглов